

ARTICLES

СТАТЬИ

I

*Dostoevsky from the Perspective
of Philosophical Discourses*

*Достоевский с перспективы
философских дискурсов*

Жорди Морильяс
Университет Любека

Размышления о Достоевском как философе и теологе¹

Постановка проблемы

В исследованиях о Ф. М. Достоевском его часто называют не только писателем или поэтом, но и психологом, политиком и пророком нигилизма и русской революции. Таким образом, с конца XIX века появилось немало научных публикаций, в которых автор *Записок из подполья* анализировался с философской или даже теологической/богословской точки зрения. Но насколько оправдан такой подход? Правильно ли называть Достоевского “философом” или “теологом/богословом”²?

Философия и теология в Греции

Истоки философии находятся в древнегреческой культуре,³ а ее первые проявления в греческих колониях Малой Азии. Из города-государства (πόλις) Милет происходил Фалес, за которым в своих философских размышлениях последовали его соотечественники Анаксимандр и Анаксимен, а также, среди прочих, Гераклит из Эфеса, Эмпедокл из Агригента, Платон и Аристотель.

1 Переработанный текст доклада под названием “Достоевский как философ? Достоевский как богослов? Конец недоразумения!”, представленного на международной конференции по Достоевскому, которая состоялась в Афинах 16-18 октября 2025 г.

2 В русском языке различают ‘теологию’ и ‘богословие’, причем первое обозначает латинскую традицию, а второе – православную доктрину. В настоящей статье мы не собираемся вступать в эти чисто конфессиональные дискуссии. Мы намерены решить вопрос о происхождении термина ‘θεολογία’ в греческом мире, чтобы понять, что он означал в своих истоках. Только тогда мы сможем судить о правильности использования такого понятия в отношении Достоевского.

3 См. Диоген Лаэртский, *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*, “Предисловие”, I, §§1-4: «И таким образом философия зародилась у греков, о чем свидетельствует ее название, исключающее всякую мысль о варварском происхождении». Перевод [измененный нами] М. Л. Гаспарова (Москва: Мысль, 1979), с. 64.

Эта наука,⁴ зародившаяся из удивления и восхищения фύσιс ('природы'),⁵ ставила своей целью ее понимание через исследование первопричин.⁶ В этом смысле философия вскоре приобрела двойной божественный характер, поскольку Божественность⁷ казалась не только одной из этих первопричин,⁸ но и обладательницей того знания (Σοφία), чего жаждали эти первые «физики».⁹ Об этом свидетельствует Пифагор из Самоса, который указал, что лишь Божественность была мудрой¹⁰, называя того, кто стремился к ней, «философом», то есть “любителем мудрости”.¹¹

- 4 О значениях, которые слово 'философия' имело на протяжении всей своей истории в Греции, см. Werner JAEGER: *Paideia: The Ideals of Greek Culture*, Vol. III: *The Conflict of Cultural Ideals in the Age of Plato*. Transl. from the German Manuscript by Gilbert Highet (Oxford: Basil Blackwell, 1947); Bernard WILLIAMS: "Philosophy", in Moses I. FINLEY (Ed.), *The Legacy of Greece. A New Appraisal* (Oxford: Clarendon Press, 1981), pp. 202–255.
- 5 См. ПЛАТОН, *Тезет*, 155d и Аристотель, *Метафизика*, I, 2, 982b12–13.
- 6 Когда Анаксагора спросили, для чего он был рожден, он ответил: «Для наблюдения солнца, луны и неба» (Εἰς θεωρίαν ἥλιου καὶ σελήνης καὶ οὐρανοῦ) – Диоген ЛАЭРТСКИЙ, II, §10, с. 106. Почти все труды, написанные этими ранними философами или, лучше сказать, “физиками”, были озаглавлены *О природе*. Так, напр., Гален сказал о Гиппократе, что тот факт, что он «дал название своему произведению не *Об элементах*, как это сделал врач Асклепиад [а *О природе*], не может быть поводом для каких-либо размышлений, потому что все произведения древних озаглавлены *О природе*, о чем свидетельствуют труды Мелиссы, Parmenida, Эмпедокла, Алкмеона, Гorgia, Продика и всех остальных, в то время как Аристотель излагает свои идеи об элементах в своих произведениях *О небе*, *О возникновении и уничтожении*, точно так же, как Хрисипп в своем *О субстанции*» – ГАЛЕН, *Об элементах*, кн. I, 9.26–9.27 (487).
- 7 В отличие от того, что обычно делается в таких случаях, мы считаем, что писать имя Божества или Божеств с маленькой буквы – это проявление неуважения к другим народам. По этой причине в этой статье слова Бог, Божественность или Божественное всегда будут написаны заглавными буквами.
- 8 Божественность не только казалась первопричиной всего, но и для греков фύσιс как целое, в свою очередь, считался Божественным, о чем свидетельствуют Алкмеон или Фалес из Милета. См. Аристотель, *О душе*, 405a32–405b1, 411a8; и *Метафизика*, I, 1–2, 980a20–983a23 и XII, 8–9, 1073a14–1075a10.
- 9 См. ПЛАТОН, *Федр*, 239b; Аристотель, *Евдемова этика*, VIII, 3, 1249b16 и далее; и *Никомахова этика*, VI, 7, 1141b1 и далее.
- 10 См. также ПЛАТОН, *Пир*, 203e. Под “Божественностью”, конечно, не следует понимать иудео-христианского Бога.
- 11 Согласно Диогену ЛАЭРТСКОМУ (I, §12, с. 66), именно Пифагор ввел термины «философия» и «философ», утверждая, что «мудрецом же [...] может быть только Бог, а не человек. Ибо прежде временно было бы философию называть “мудростью”, а упражняющегося в ней – “мудрецом”, как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ [“любомудр”] – это просто тот, кто испыты вает влечение к мудрости». Точно так же именно ПЛАТОН в *Федре*, 278d, подчеркнул божественный характер философии.

В самом деле, если Божественность определяется как *νοῦς* ('ум, разум')¹² или же *ἡ νόησις νοήσεως* ('мышление о мышлении'), что, в свою очередь, является *ζωή* ('жизнь'),¹³ то человек, единственное животное, обладающее *λόγος* ('логосом')¹⁴ и *νοῦς*,¹⁵ пользуясь тем, что у него есть общего с Божественностью, достиг бы божественного статуса,¹⁶ то, что Перипатетик назвал *ὁ βίος θεωρητικός* ('созерцательная жизнь').¹⁷ Благодаря этой ноэтической деятельности, целью которой было «увековечить себя и приложить все усилия, чтобы жить согласно самому лучшему, что есть в нас»,¹⁸ философ становится любимым Богов (*θεοφιλέστατος ἄρα*).¹⁹

софа, в то время как в *Государстве* он предложил классическое определение как философии как науки, так и философа как правителя и законодателя. В качестве примера можно упомянуть 475с, 491а-б, 495д или 497а-б.

12 Аристотель, *О молитве*, фрагмент 1.

13 См. Аристотель, *Метафизика*, XII, 7, 1072b25-30, а также XII, 9, 1074b34.

14 См. Аристотель, *Политика*, I, 1253а9-10. Наряду со способностью говорить, очевидно, связан голос, который облегчает самовыражение, добавляя, таким образом, еще одно совершенство человеку, которого Аристотель сам считает самым выдающимся животным, обладающим дискурсивными способностями и интеллектом. См. *О душе*, II, 8, 420b5-421a6, а также II, 3, 414b18-19.

15 Этим *νοῦς* или интеллектом обладают не все: «от интеллекта [участвуют] только Боги и очень небольшая группа людей» (*νοῦ δὲ θεούς, ἀνθρώπων δὲ γένος βραχύ τι*) – ПЛАТОН, *Тимей*, 51е. См. также Аристотель, *О душе*, I, 2, 404b5-7, II, 3, 415a7-8 и III, 3, 427b8.

16 См. Аристотель, *О душе*, I, 4, 408b29-30 и *О возникновении животных*, II, 3, 736b28. И здесь, как и во многих других вопросах, Стагирит развивал мысль своего учителя, как это видно из ПЛАТОН, *Федр*, 249с-d.

17 «Итак, если ум божественен по отношению к человеку, то жизнь в соответствии с ним будет также божественной по отношению к человеческой жизни» (*Никомахова этика*, X, 7, 1177b30-31; см. также I, 1098a1-20, где утверждается, что это наилучшая возможная жизнь). Мы переводим все цитаты из этого сочинения Аристотеля непосредственно с греческого языка по изданию *Aristotelis Ethica Nicomachea. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit I. Bywater* (Oxford: Oxford UP, 1962).

18 Аристотель, *Никомахова этика*, X, 7, 1178a1-2.

19 «Более того, тот, кто действует в своей деятельности в соответствии со своим интеллектом и развивает его, кажется самым желанным и самым любимым Богами. Действительно, если Боги проявляют какую-либо заботу о человеческих делах, как считается, также будет разумно, если они будут потакать тому, что лучше и ближе всего к ним (а это был бы интеллект), и что они вознаграждают тех, кто любит и почитает их больше всего, как если бы они заботились о своих друзьях и они будут действовать прямо и благородно. Очевидно, что все эти действия принадлежат в первую очередь мудрому человеку; и, таким образом, он будет самым любимым богами, и вполне вероятно, что он также будет самым счастливым. Так что, если рассматривать его таким образом, мудрец будет счастливейшим из всех людей». Аристотель, *Никомахова этика*, X, 8, 1179a23-33. См. также ПЛАТОН, *Законы*, 716с-d.

Этот *βίος θεωρητικός* однако не означает отдаления от реального мира, скорее наоборот – требует своего господства.²⁰ Действительно, в то время как Платон утверждал, что только «божественный человек»²¹ способен быть демиургом или законодателем общества²² благодаря познанию Идеи Добра, «предмета высшего изучения, на основе которого справедливые и все другие вещи становятся полезными и ценными»,²³ Аристотель добавлял, что философ является «архитектором духовного и социального мира»²⁴ и, следовательно, гарантом наилучшего возможного политического правительства.²⁵ Таким образом, осуществляя *ό βίος πολιτικός* ('политическая жизнь'), любители мудрости становились

²⁰ Тезис, который так усердно отстаивали Платон и Аристотель, о том, что Философия – это единственное знание, не имеющее “практической” цели, следует понимать как реакцию на софистику и меркантильный менталитет того времени, которые рассматривали все в полезности и в непосредственной материальной выгоде. Также важно не забывать, что «Greek science and philosophy were “aristocratic” in the sense that they developed among the leisured classes, for whom the only acceptable practical pursuits were war and statecraft, poetry and oratory» – Moses I. FINLEY, *The Ancient Greeks. An Introduction to their Life and Thought* (New York: The Viking Press, 1963), p. 105. См. также Arthur H. ARMSTRONG, “Greek Philosophy and Christianity”, in FINLEY (Ed.), *The Legacy of Greece*, pp. 347-375.

²¹ См. ПЛАТОН, *Законы*, 645b.

²² «By his work in making laws, the legislator becomes the demiurge of human society, which must be made a part of the greater cosmos; and the rule of God perfects itself in conscious accomplishment of the divine logos, by man as a rational being» – JAEGER, p. 242. Как установил Платон в так называемом “мифе о пещере”, философ также обязан править (*Государство*, 539e-540c; а также 473d, 474b-c, 484b, 486b, 487a-e, 489a-b, 494a-b, 496b-c, 499b-c, 519b-521a, 540d и *Законы*, 709-712a).

²³ ПЛАТОН, *Государство*, 505a. Далее философ уточняет, что «после того, как [Идея Добра] осознана, необходимо признать, что она является причиной всего правильного и прекрасного, что есть во всех вещах; что, хотя в видимой сфере она породила свет и властителя его, в сфере разумной она является властительницей и производительницей истины и знания, которую обязательно должен увидеть тот, кто хочет действовать мудро как в частном, так и в общественном плане» – *Государство*, 517c, см. также Эйтедем, 218b. Мы переводим все цитаты из этого сочинения Платона непосредственно с греческого языка по изданию *Plato's Republic. The Greek Text. Edited, with Notes and Essays by the late B. Jowett and Lewis Campbell* (Oxford: Clarendon Press, 1894).

²⁴ АРИСТОТЕЛЬ, *Политика*, VII, 3, 1325b23.

²⁵ Политическая система, которую должен установить философ, колеблется между монархией и аристократией. В своих *Законах* Платон напишет относительно названия, которое должно быть у города, которым правят философы, что «если необходимо иметь городу такое название, то лучше заимствовать его от истинного Бога, управляющего существами разумными (*τὸν νοῦν*)» (713a). Мы цитируем из перевода В. И. Оболенского (Москва: Тип. С. Селивановского, 1827), с. 150.

вдвойне любимыми Божествами, поскольку «нет ничего, в чем добродетель ближе всего приближается к могуществу Богов, чем основание новых городов или сохранение уже существующих».²⁶

В этом контексте, когда великий специалист по Греции, Вернер Йегер, хотел заняться тем, что обычно называют “досократической философией”, он говорил о теологии ранних греческих мыслителей, поскольку «великие новые идеи древнейших мыслителей о “природе” и “вселенной” были для них непосредственно связаны с новым представлением о Божественном. В этом единстве духовного Богопознания и мыслительного осмысления сущего лежит исток всей последующей философской теологии греков».²⁷

Обратим внимание на выражение: «философская теология». Это означает, иными словами, что в Греции философия и теология не были разделены, а тесно связаны. Действительно, Платон был назван «теологом классического мира»,²⁸ без которого не существовало бы ни науки, ни понятия, и достаточно прочитать его *Государство* и *Законы* чтобы убедиться в огромном значении размышлений о Боге в его философии. Аристотель, верный ученик Платона, называл теологию «первой философией», поскольку была посвящена самому благородному вопросу, то есть Божественности,²⁹ ибо она присутствует в природе.³⁰

²⁶ Цицерон, *О государстве*, VII, 12 («Neque enim est ulla res, in qua propius ad deorum numen uirtus accedat humana, quam ciuitatis aut condere nouas aut conseruare iam conditas»).

²⁷ Вернер ЙЕГЕР, *Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года*. Пер. с англ. А. С. Мерзеневой (Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021), с. 58. Измененный нами перевод.

²⁸ Так окрестил его и несколько раз называл Йегер в *Пайдейя*.

²⁹ «Если нет какой-либо другой сущности, кроме созданных природой, то первым учением было бы учение о природе. Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она Первее и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее [знание] в том смысле, что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково все присущее ему как сущему» – *Метафизика*, VI, 1, 1026а, 27-32. Цитата переведена нами из следующего критического издания греческого текста: *Aristotle's Metaphysics. A Revised Text with Introduction and Commentary by W. D. Ross* (Oxford: Clarendon Press, 1924).

³⁰ Аристотель, *Метафизика*, VI, 1, 1026а19.

Концепция знания (философия и теология) в Библии

Священная книга как иудеев, так и христиан начинается с явного осуждения знания. Так, Иегова, создав Адама и поместив его в Эдемский сад, дает ему следующую заповедь: «Ты можешь есть от всех деревьев в саду, но от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, когда ты съешь от него, ты умрешь» (Быт 2:16-17).³¹

В полном соответствии с этим запретом Соломон считает, что знание влечет за собой боль и страдания (Екк 1:18) и никоим образом не ведет к «земному счастью», поскольку «под солнцем» невозможно достичь ὁ βίος μακάριος (‘блаженная жизнь’), провозглашенного язычниками.³² Кроме того, иудейский мудрец называет интеллектуальные усилия «напрасными» и «бесполезными», ибо человек неспособен познать творение Бога (Екк 3 и 8:16-17). Эта невозможность провозглашена Иеговой (Екк 2:26, 3 и 7:14), который, как позже пояснит Павел Тарсийский, выступает категорически против «философии и образов, основанных на преданиях человеческих».³³ По этой причине иудей, то есть последовательный христианин, должен перестать читать и писать «книги», потому что «долгое занятие – утомительно для тела» (Екк 12:12).

Эта концепция, в свою очередь, находит свое оправдание в том факте, что мудрость принадлежит Иегове,³⁴ который сначала хотел даровать ее исключительно народу Израиля (Сир 3, 32-38), а затем предложить ее всему остальному человечеству³⁵ через Святого Духа.³⁶ Эта мудрость, которую этот Бог дарует человеку и которую тот должен каким-то образом

³¹ В своей замечательной статье “Presència del cristianisme en la filosofia”, *Quèstions de vida cristiana*, 207, 2002, pp. 53-72, испанский философ Сальви Турро (Salvi TURRÓ) указывает на существенные различия, которые эта притча вносит в мировоззрение Запада, и ее влияние на таких благочестивых мыслителей, как Кант, Фихте или Гегель, в частности, на с. 59-60.

³² Напр., Аристотель, *Никомахова этика*, X, 8, 1178b26.

³³ Послание к Колоссянам, 2:8. См. также Еф 5:6 и 2Тим 6:20. Иисус использовал выражение «предание человеческое» как синоним «человеческой мудрости» (напр., Мк 7: 8).

³⁴ См. Исаи 11:2, 28:29; 40:14; Иер 10:12, 51:15, 54:15; Прит 21:30; Псал 104:24, 147:5; Иов 12:13,16; 21:22; 36:5, 37:16; Дан 5:14; Лк 21:15 и Рим 16:27.

³⁵ См. Втор 1:17; 2:21-22; Сир 1:1-10; Псал 94:10, 119:66; Прит 2:6-7; Иов 32:8 и Еф 1:8.

³⁶ См. Прем 9:1-17; 1Кор 12:8, а также Кол 1:9. Отсюда некоторые отцы Церкви будут утверждать, что все, что было истинного в языческой философии, происходило именно из этого учения Святого Духа. См., напр., классическое произведение Евсевия Кесарийского *Εὐαγγελικὴ προπαρασκευὴ*, известное под латинским названием *Praeparatio evangelica*.

стремиться обрести,³⁷ имеет своей отправной точкой страх перед Иеговой,³⁸ в убеждении, что не существует никакого знания, которое могло бы быть автономным³⁹ или противоречить этому Божеству (Прит 21:30), поскольку его цель состоит исключительно в размышлении над заповедями, полученными от Него:

Не ищи вещей, которые тебе не по силам, не исследуй то, что превышает твои возможности. Размышляй над заповедями, которые ты получил, потому что тебе не нужны скрытые доктрины. Не занимайся напрасными размышлениями о том, что тебя превосходит; тебе уже научили большему, чем человек может понять. Спекуляции погубили многих людей; ложные предположения сбили их с пути истинного (Сир 3:21-24).⁴⁰

Следовательно, мудрец Ветхого Завета ограничивается «размышлением над заповедями Господа и непрерывным выполнением Его повелений. Он сам [тогда] укрепит твое сердце и даст тебе желаемую мудрость» (Сир 6:37).⁴¹ То есть библейское знание, «отражение вечного света, непорочное зеркало действия Бога, образ Его благости» (Прем 7:26), проявляется в «книге заповедей Бога, Законе, который будет существовать вечно. Все, кто соблюдает его, будут жить, а те, кто отвергают его, умрут» (Сир 4:1).⁴² Таким образом, «соблюдение Закона» считает-

³⁷ Вся книга *Притчей Соломоновых* наполнена призывами к поиску мудрости, которая считается высшим благом, превосходящим даже золото и все богатства этого мира (см., напр., 3:13, 4:5-7 и т.д.). Однако то, что может показаться читателям на первый взгляд как «призыв к мудрости», по сути, является не чем иным, как призывом к слепому послушанию Иегове: «Нет мудрости, и нет разума, и нет совета перед Иеговой», – говорится в этой же книге (21:30).

³⁸ См. Псал 111:10, Иов 28:28, Прит 1:7, 9:10, 15:33, подобно Ис 33:6. Фактически, утверждается не только, что «Блажен человек, который всегда боится Бога» (Прит 28:14), но и то, что этот страх «продлевает жизнь» (Прит 10:27), то есть является «источником жизни» (Прит 14:27).

³⁹ См., напр. Прит 20:24.

⁴⁰ Подобные проявления можно найти в этой же священной книге – 4:11-19; 15:1-10; 19:20-24 и 21:11.

⁴¹ Ср. Прем 6:12-20. В этом смысле фигура Соломона является образцовой: его мудрость приходит не в результате собственных усилий по поиску истины или знания, а потому, что она была дана ему Богом, как сказано в 1Цар 4:29 [5:9], 5:12 [5:26] и 10:24, а также во 2Пар 1:10-12 и 9:23. Аналогичные случаи представлены также Иовом (Иов 39:17), Даниилом (Дан 2:23, 9:22) или Ездрой (Езд 7:25).

⁴² Эта ветхозаветная концепция мудрости также определяется в других отрывках как: «Страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум» (Иов

ся единственной мудростью, которая гарантирует бессмертие, «позволяет нам уподобиться Богу» (Прем 6:18-19; см. Прем 8:13) и вызывает Его любовь (Прем 7:28).

Новый Завет дополняет эту еврейскую концепцию, противостоящую философии, изречением раввина Иисуса: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:3). Действительно, определив себя как «Я есмь путь и истина и жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через Меня»,⁴³ теперь истинными «детьми мудрости» считаются те, кто верит в Него, кто признает Его Мессией, посланным Богом, и «приимает Божественный замысел, справедливый и полный мудрости» (Лк 7:35), то есть возлагает на Него свою надежду как на высшую нормативную инстанцию.⁴⁴ Ибо «в Нем сокрыты все сокровища мудрости и знания» (Кол 2:3), и с тех пор Иисус является единственным, кто способен даровать мудрость всем людям, если они верят в Него (Лк 2:15 и 1Кор 1:24-31): «Если же кому из вас недостает мудрости, пусть просит у Бога, который всем дает щедро и без упрека, и она будет ему дана» (Иак 1:5).

Последствия этой доктрины, проповедуемой Иисусом, излагает Павел из Тарса в первом послании к коринфянам, в котором он называет «безумной мудрость этого мира» (1Кор 1:20 и 3:19) и открыто объявляет ей войну: «Ибо то, что кажется неразумным в Божьем деле, мудрее мудрости человеческой, и то, что кажется немощным в Божьем деле, сильнее человеческого» (1Кор 1:25). Действительно, истинная мудрость – это «скрытая в замысле Божьем» (1Кор 2:7), которая была открыта христианам через Святого Духа (1Кор 2:10), которая познается исключительно через веру (1Кор 2:11-16) и которая, в отличие от мудрости «князей этого века», вечна, потому что исходит от «силы Божьей» (1Кор 2:5).⁴⁵

В этом контексте не менее решающим является антропологическая и гносеологическая переоценка, которая христианство вносит в европейское сознание.⁴⁶ В то время как философия видела исток мудрости в Бо-

28:28) или: «Лучше слабоумный, любящий Господа, чем очень умный, нарушающий Закон» (Сир 19:24). См. также Иер 8:9, 9:23; Псал 111:10; Прит 1:7, 1:29, 9:10, 15:33 и Сир 1:11-21, 27, 25:11.

43 Ин 14:6 (<Ἐγώ εἰμι ἡ ὁδὸς καὶ ἡ ἀλήθεια καὶ ἡ ζωή· οὐδεὶς ἔρχεται πρὸς τὸν πατέρα, εἰ μὴ δι' ἐμοῦ>); см. Ин 18:37.

44 Мф 11:19; 13:54; Мк 6:12, а также 1Кор 1:18:31.

45 Это представление объясняется словами Христа, обращенными к Петру: «Блажены ты, Симон, сын Ионы, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Мф 16:17).

46 Необходимо прочитать слова из *Первого послания к Коринфянам* 1:26-31, наиболее ясным из которых является: «Бог избрал тех, кто неблагороден и презираем миром; Он

гах,⁴⁷ что нашло свое воплощение в заповедях Дельфийского храма,⁴⁸ она отличалась «лаконичностью»⁴⁹ и утверждала, что только через разум (интеллект) человек способен познать истину и, насколько это возможно, уподобиться Божеству, что, в свою очередь, было тесно связано с сильным элитизмом, предполагавшим, что массы по своей природе не философские⁵⁰ («глаза души большинства людей неспособны усилиться, чтобы увидеть Божественное»⁵¹).

Напротив, христианство обращается ко всем людям без различия,⁵² предлагая спасение (и, следовательно, обожествление) без каких-

избрал тех, кто ничтожен, чтобы уничтожить тех, кто что-то из себя представляет» (1:28).

47 Здесь следует упомянуть не только тот факт, что Сократ утверждал (*Апология Сократа*, 28с), что Божество ($\Thetaεός$) велело ему «жить, философствуя и исследуя себя и других» (исходя из максими «Познай самого себя»), но и Parmenida, произведение которого *Περί φύσεως* ('О природе') возникло из откровения, которое Богиня дала ему об истинном пути исследования, то есть о философии (стихи 20 и далее).

48 Чтобы избежать недоразумений, следует помнить о вышесказанной тесной связи между философией и религией в классической Греции, союз, который также будет иметь место в Риме, как свидетельствуют, среди прочих, Цицерон, Сенека или даже «атеист» Лукреций, чьи первые стихи его стихотворения *De rerum natura* представляют собой подлинный гимн греко-римским Божествам.

49 ПЛАТОН, *Протагор*, 342d-е.

50 См. ПЛАТОН, *Государство*, 494а. В числе авторов, подчеркнувших элитарность философии, можно назвать Артура Шопенгауэра, *Arthur Schopenhauer's handschriftlicher Nachlaß. Aus den auf der Königlichen Bibliothek in Berlin verwahrten Manuskriptbüchern hrsg. v. E. Grisebach*. IV Bd.: *Neue Paralipomena* (Leipzig: Philipp Reclam, 1892), S. 303-304.

51 ПЛАТОН, *Софист*, 254а-б.

52 С предпочтением, как уже указывалось выше, «нищих духом», то есть простолюдинов. В этом смысле стоит привести один из аргументов, который первые языческие критики приводили против этой особенности христианства: «Более благоразумны те христиане, которые дают следующее предписание: «Никто, кто обладает пайдейей, не должен приближаться, никто, кто мудр, никто, кто благоразумен, ибо такие вещи считаются среди нас злом. Но кто невежественен, неразумен, лишен пайдейи, нищ духом, тот пусть приходит со всей уверенностью». Ибо какие люди достойны своего Бога, они признают, когда хотят и могут обратить только глупцов, неблагородных, неразумных, рабов, женщин и детей [...]. Как можно считать злом обладать пайдейей и быть экспертом в лучших учениях, быть и казаться умным? Почему это мешает познать Бога? Почему это не должно быть, напротив, преимуществом и средством, с помощью которого можно лучше достичь истины?» – ЦЕЛЬС, *Правдивое слово*, фрагменты III, 44 и III, 49а. См. Jordi MORILLAS, “La primera crítica filosófica al Cristianismo: Celso y el *Alethes Logos*”, *Daímon. Revista de Filosofía*, 34, 2005, pp. 19-36.

либо интеллектуальных усилий, только через веру,⁵³ единственный возможный доступ к вечной истине, *открытой* Святым Духом.⁵⁴ То есть человек не должен искать истину сам, поскольку она уже была *полностью* открыта ему в учении Христа,⁵⁵ который дает ему все ответы.⁵⁶ Они символизируются в так называемой “мудрости Креста”, то есть в учении об искуплении и спасении в жертве Христа:

Какие черты сходства есть между философом и христианином, учеником Греции и учеником Небес, тем, кто торгует славой, и тем, стремится к славе, и тем, кто стремится к спасению, тем, кто действует словами, и тем, кто действует делами, тем, кто созидает, и тем, кто разрушает, тем, кто защищает заблуждение, и тем, кто защищает истину, тем, кто крадет ее, и тем, кто

⁵³ По вопросу веры в Евангелиях см. Jordi Morillas, “*Contra Christianos: la crítica filológica de Porfirio al Cristianismo*”, *Daímon. Revista de Filosofía*, 40, 2007, pp. 145-164: 151-152. В *Правдивом слове* (I, 9) Цельс высказывался следующим образом: «Чтобы принять учение, мы должны следовать разуму и рациональному руководству, ибо тот, кто без этой осторожности присоединяется к мысли другого, подвергается верному обману. [Христиане] иррационально верят, как нищие и жрецы Кибелы и гадатели, как жрецы Митры и Сабация и как все, кого можно встретить, в явления Гекаты или другого демона или демонов. Потому что, подобно тому, как среди людей такого рода злые люди злоупотребляют глупостью легковерных и ведут их, куда хотят, так же происходит и среди христиан. Некоторые, не желая ни давать, ни принимать объяснений того, во что они верят, прибегают к таким принципам, как: “Не спрашивай, а верь” [Мк 5:36; 9:23] и “Вера твоя спасет тебя” [Мф 8:13; 9:22; Мк 5:34; 10:52; Лк 7:50; 8:48; 17:19]. И “Мудрость в жизни – зло, а глупость – добро” [1Кор 1:20-25; 2:1-6; 3:18-20; 4:10; 8, Еф 4:17 и далее; 1Тим 6:20-21; Евр 13:9]».

⁵⁴ См. 1Кор 2:4 и 5. Августин Иппонийский, пожалуй, лучше всех выразил эту мысль, когда в своем комментарии к Евангелию от Иоанна (29:6) отметил: «Хочешь понять? Веруй. Ибо Бог сказал через пророка: “Если не поверите, не поймете” [Ис 7:9]. С этим связано то, что Господь добавил здесь далее: “Если кто хочет исполнить волю Его, тот узнает, от Бога ли оно или Я Сам от Себя говорю” [Ин 7:17]. Что означает: “Если кто хочет исполнить волю Его”? Но я сказал: “Если вы верите”, и дал такой совет: если ты не понял, говорю я, верь. Ибо интеллект – это награда за веру. Поэтому не ищи понимания, чтобы верить, но верь, чтобы понять, потому что, если не будешь верить, не поймешь». То есть для христианина *vera philosophia* – это понимание веры. Более подробно об этом см. Juan PEGUEROLES, *San Agustín. Un platonismo cristiano* (Barcelona: Promociones y publicaciones Universitarias, 1985), pp. 13-30.

⁵⁵ Решающим в этом контексте является Послание к Евреям 1:2, где утверждается, что в лице Сына Бог высказался окончательно («*ἐλάλησεν*»), то есть Откровение является полным и к словам Христа абсолютно ничего больше добавить нельзя.

⁵⁶ Ибо никто не может быть мудрым, кроме Христа (1Кор. 3:23). Так же высказались Иоанн в своем Евангелии (14:6), Павел в 1Кор. 2:14 и Иуда в своем послании, 3.

ее хранит?⁵⁷ [...] Что же общего между Афинами и Иерусалимом? Что общего между Академией и Церковью? Что общего между еретиками и христианами? Наша доктрина происходит из портика Соломона, научившего нас искать Господа прямым и чистым сердцем. Пусть там разбираются те, кто изобрел стоическое, платоническое и диалектическое христианство. Нам не нужно любопытство после Иисуса Христа, ни поиски после Евангелия. Когда мы верим, мы не хотим верить ни в что другое. Ибо это первое, во что мы верим, что нет ничего другого, во что мы должны верить.⁵⁸

Противостояние между философией и христианством

Таким последовательным образом христианство заткнуло рот разуму, и с тех пор задачей философов стало просто преподавать «еврейскую мифологию».⁵⁹ Фактически, появление веры в Христа на европейской земле и безжалостные мировоззренческие борьбы, веденные патристикой и схоластикой, полностью изменили греко-римское представление о фило-

⁵⁷ Тертуллиан, *Апология, или Защищение христиан против язычников*, гл. XLVI (наш перевод).

⁵⁸ Тертуллиан, *Прецнения против еретиков*, VII, 9-12 (наш перевод). Как показывает чтение Библии и вопреки тому, что обычно утверждается, Тертуллиан не представляет собой экстремизм, которому не следует следовать, а, напротив, излагает логичное и последовательное христианство. Недаром в том же духе высказывается Августин Иппонийский, который, познакомившись с философией, смог написать такое произведение, как *De civitate Dei*, в XIV, 28 книге которого он доказывает, что в граде Божьем «nulla est hominis sapientia, nisi pietas, qua recte colitur verus Deus, id exspectans praeium in societate sanctorum, non solum hominum, verum etiam Angelorum, ut sit Deus Omnia in omnibus» (“В этом же граде нет иной мудрости, кроме благочестия, которое правильно почитает истинного Бога, ожидая в обществе святых, не только людей, но и ангелов, той награды, когда будет Бог все во всем”). Цит. по: Блаженный Августин, *Творения*, сост. и подгот. текста С. И. Еремеева (Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998), т. 4: *О граде Божием*.

⁵⁹ Arthur Schopenhauer's handschriftlicher Nachlaß, S. 262 (§452): «Die Religion hat 1800 Jahre lang der Vernunft einen Maulkorb angelegt. – Die Aufgabe der Philosophieprofessoren ist *Judenmythologie* als Philosophie einzuschwärzen». См. также добавление к предисловию к третьему изданию предисловия к *Воле в природе*, где Шопенгауэр утверждает, что «Кант действительно открыл ужасную истину о том, что философия должна быть чем-то совершенно отличным от еврейской мифологии» (с. XIV), а также *Об университетской философии* (с. 179), *Eis ea utes*, §695 и *Senilia*, 135, 4, где он называет профессоров философии «наемниками еврейской мифологии по найму».

софии.⁶⁰ Она отрывается от религии,⁶¹ которая с тех пор отождествляется исключительно с христианством (интеллектуальная аберрация, продолжающаяся до наших дней) и становится просто «*ancilla theologiae*».⁶²

- 60 Хотя атеистическая традиция, не имеющая никакого представления о том, о чем она говорит, сделала Гипатию символом этого противостояния, Александрийская мудреца представляла собой гораздо больше, чем “атеистическое” сопротивление учению Христа: Гипатия олицетворяла греческий идеал мудреца, посвятившего себя как научным исследованиям, так и политике, а также борьбе с суеверием, проявившимся в ее эпоху в зарождающемся христианстве и в лице Кирилла Александрийского. См. John TOLAND, “Hypatia: or, The History of Most beautiful, most virtuous, most learned, and every way accomplish'd Lady; who was torn to pieces by the Clergy of Alexandria, to gratify the pride, emulation, and cruelty of the Archbishop, commonly but undeservedly stil'd St. Cyril”, in John TOLAND, *Tetradymus* (London, 1720), pp. 101-136.
- 61 Мы еще раз повторяем, что в Греции, как и в Риме, философия никогда не была отделена от религии. Фактически, мы можем говорить о непрерывности (ср. ЙЕГЕР), если не о религиозном принципе философии или мудрости. Напр., в храме Аполлона в Дельфах было начертано 147 изречений, три из которых были выгравированы на пронаосе («Познай самого себя»; «Ничего сверх меры» и «Уверенность ведет к гибели»), происхождение которых приписывалось Богу Аполлону и которые позже были собраны первыми греческими мудрецами. Об этом свидетельствует Академик: «Некоторые из нынешних и прежних уже поняли, что лаконизм – это скорее стремление к мудрости, чем к гимнастике, зная, что способность произносить такие фразы свойственна человеку с прекрасным образованием. Среди них были Фалес из Милета, Пифагор из Митилены, Биас из Приены, наш Солон, Клеобул из Линдоса и Миссон из Кенеи, а седьмым в группе называют лакедемонянина Хилона. Все они были поклонниками и страстными учениками лакедемонского образования. Можно понять, что его мудрость была именно такой, вспомнив короткие фразы, сказанные каждым из них, которые, по общему мнению, стали принципом мудрости, который они посвятили в надписи Аполлону в его храме в Дельфах, записав то, что повторяют все: “Познай самого себя”, “Ничего сверх меры”». ПЛАТОН, *Протагор*, 342e-343b. Мы переводим со следующего греческого издания: *Platonis Opera. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit I. Burnet* (Oxford: Clarendon Press, 1905), т. 3. Ср. ПЛАТОН, *Хармид*, 164d-165b; КСЕНОФОН, *Воспоминания о Сократе*, IV, 2, 24; ПАВСАНИЙ, *Описание Греции*, X, 24, 1; ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ, I, §§40-41; ПЛУТАРХ, *Естественная история*, VII, 32 и ЭСТОБЕЙ. С другой стороны, следует упомянуть, как Аристотель цитирует надпись в храме Лето на Делосе в своих двух сочинениях по этике, чтобы исправить свое высказывание, утверждая, что счастье «является лучшим, самым прекрасным и самым приятным». См. АРИСТОТЕЛЬ, *Этика Эвдема*, 1214a1-10, а также *Этика Никомахова*, 1099a24-32.
- 62 Это краткое историческое изложение неизбежно носит очень общий и поверхностный характер и не учитывает как попытки гармонизации античной философии и христианства, так и попытки, предпринятые в противоположном направлении. Заинтересованному читателю рекомендуется самостоятельно ознакомиться с одним из многочисленных существующих материалов, в которых рассматривается этот, без со-

Эта ситуация сохранялась более 1500 лет, пока философия не начала освобождаться от христианского ига. Примером этой эманципации являются такие авторы, как Фрэнсис Бэкон⁶³ или Артур Шопенгауэр, которые отстаивали тезис о том, что философия – это не поиск «*causa efficiens*» или «*causa finalis*», а ее задача – описывать, понять и познавать мир настолько, насколько это возможно.⁶⁴ Кроме того, по этой причине тот, кто обладает “вечной истиной”, философствовал так же мало, как и тот, кто никогда ее не искал,⁶⁵ ибо «тот, кто любит истину, ненавидит Богов, как в единственном, так и во множественном числе».⁶⁶

Философия не верит (ибо в классическом разделении знаний, установленном Платоном, вера [*πίστις*] является низшей степенью знания⁶⁷) и не стремится оправдать какие-либо верования, а ее цель заключается в достижении знания (*ἐπιστήμη*): «Философия, как наука, не имеет ничего общего с тем, во что следует или во что можно *верить*, а только с тем, что можно *знать*».⁶⁸

Поистине, философия не имеет ничего общего «с учениями, которые частично были открыты древнему народу евреев, а частично появились в Иерусалиме тысяча восемьсот лет назад»,⁶⁹ и нет никакой совместимо-

мнения, интересный период истории западной мысли от появления первых отцов Церкви до исчезновения схоластики с рождением того, что обычно называют “современной философией”, с Гильемом Оккамом или Рене Декартом в качестве ее главных предвестников.

63 Francis BACON, *De Dignitate et Augmentis Scientiarum* (1720): «Ea enim demum vera est philosophia, quae mundi ipsius voces fidelissime reddit, et veluti dictante mundo conscripta est, et nihil aliud est, quam ejusdem simulacrum et reflectio, neque addit quicquam de proprio, sed tantum iterat et resonat» (кн. II, гл. 13).

64 См. Arthur SCHOPENHAUER, *Sämtliche Werke*. Nach der ersten, v. Julius Frauenstädt besorgten Gesamtausgabe neu bearb. und hrsg. v. Arthur Hübscher, 2. Bd.: *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Erster Band, (Wiesbaden: F. A. Brockhaus, 1965), S. 98-99, 323.

65 См. Arthur Schopenhauer's handschriftlicher Nachlaß. Aus den auf der Königlichen Bibliothek in Berlin verwahrten Manuskriptbüchern hrsg. v. Eduard Grisebach. Dritter Bd.: *Philosophische Anmerkungen* (Leipzig: Philipp Reclam, 1895), S. 141.

66 Aus Arthur Schopenhauers handschriftlichem Nachlass. Abhandlungen, Anmerkungen und Fragmente, S. 440: «Wer die Wahrheit liebt, hasst die Götter, im Singular, wie im Plural».

67 ПЛАТОН, *Государство*, 510а-511е.

68 Arthur SCHOPENHAUER: *Sämtliche Werke*, 6. Bd.: *Parerga und Paralipomena*. Zweiter Band (Wiesbaden: Eberhard Brockhaus Verlag, 1947), “Über die Religion”, §175, S. 303 (383): «Die Philosophie hat, als eine Wissenschaft, es durchaus nicht damit zu tun, was geglaubt werden soll, oder darf; sondern blos damit, was man wissen kann».

69 Arthur SCHOPENHAUER: *Sämtliche Werke*, 5. Bd.: *Parerga und Paralipomena*. Erster Band (Wiesbaden: F. A. Brockhaus, 1960), S. 134 (153).

сти между философией и христианством, не говоря уже о «христианской философии», что было бы столь же абсурдно, как утверждение о существовании «христианской арифметики».⁷⁰ Как объяснил Шопенгауэр: «Вера и знание плохо уживаются в одной голове: они там как волк и овца в одной клетке; причем знание является волком, который угрожает съесть соседа».⁷¹

Именно поэтому «нельзя служить двум господам: или разуму или Писанию. *Juste milieu* здесь означает устроиться между двумя стульями. Либо верить, либо философствовать!»,⁷² но обе эти деятельности одновременно несовместимы: чем больше науки, тем меньше веры (истина философии), и чем больше веры, тем меньше науки (истина христианства). «Ибо в философии откровения ничего не дают; поэтому философ, прежде всего, должен быть неверующим».⁷³

Но кто же такой Достоевский?

Вернемся теперь к главному вопросу: можно ли Достоевского назвать “философом” или “богословом”? Действительно ли его произведения посвящены философским и богословским темам? Если мы хотим быть точными с философской, теологической и даже филологической точки зрения и не делать таких утверждений, как “Достоевский – лучший русский философ и богослов”,

⁷⁰ *Ibid.*, S. 134-135 (153).

⁷¹ SCHOPENHAUER, *Parerga und Paralipomena* II, §181, S. 325 (417): «Glauben und Wissen vertragen sich nicht wohl im selben Kopfe: sie sind darin wie Wolf und Schaaf in Einen Käfig; und zwar ist das Wissen der Wolf, der den Nachbar aufzufressen droht».

⁷² SCHOPENHAUER, *Parerga und Paralipomena* II, “Über die Religion”, §182, “Rationalismus”, S. 405.

⁷³ Arthur SCHOPENHAUER: *Über den Willen in der Natur*, Vorwort, S. XV: «Denn auf Offenbarungen wird, in der Philosophie, nichts gegeben; daher ein Philosoph, vor allen Dingen, ein Ungläubiger sein muss». По мнению Шопенгауэра, философия не является «ни церковью, ни религией» (см. “О университетской философии”). Такое категоричное утверждение может быть сделано только в христианском контексте. Уже отмечалось, что в Древней Греции философия не была отделена от религии, и, как напомнил великий специалист по древней культуре Антонио Товар, философы не уничижали религию, а очищают ее: «Мы должны помнить об ужасах Богов Ханаана и Мексики, чтобы оценить, насколько мы должны быть благодарны всем тем благочестивым людям, обладавшим новым, более высоким чувством божественного и добра, которые таким образом освободили человечество от ужасного бремени» – Antonio Tovar, *Un libro sobre Platón* (Madrid: Espasa-Calpe, 1973), p. 15.

а затем называть его “писателем и поэтом”, необходимо говорить правильно.⁷⁴

Если философия является «сознанным выражением внутренней основной структуры греческого человека, которая прослеживается на протяжении веков в высших представителях этого рода»,⁷⁵ то в какой степени оправдано называть христианина “философом”?

С другой стороны, теология является наукой о высших явлениях, кульминацией и венцом всего человеческого знания, то есть, богословие как изучение высших проблем философским интеллектом является специфически греческим творением (Аристотель). Действительно, теология является специфическим творением греческого духа, связанным с большим значением, «которое греческие мыслители придавали логосу, так как слово *theologia* означает приближение к Богу и богам (*theoi*) посредством логоса».⁷⁶ И этот подход, как установил Платон, должно всегда воспроизводить Божество таким, каким оно есть, то есть приближаться к нему естественным образом, а именно через рациональное представление о Божественном и в противовес ошибкам поэтов (*Государство*, 379а и далее) или, как мы сказали бы сегодня, еврейских пророков и христианских священников. Кроме того, это исследование Божественности имеет явный имманентный, естественный характер (*Метафизика*, XII, 7-8). Если это действительно так, то какой смысл называть христианина “богословом”?

У Достоевского все его “интеллектуальные” размышления вращаются вокруг сугубо христианских вопросов – «Я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие» (ПСС 29; 117).⁷⁷

⁷⁴ «Ведь отправной точкой всякого последовательного изучения любого вопроса должно быть определение, дабы можно было понять, о чем именно рассуждают» – Цицерон, *Об обязанностях*, I, 7. См. Марк Туллий Цицерон, *О старости. О дружбе. Об обязанностях*. Пер. с латинского и comment. В. О. Горенштейна (Москва: Наука, 1993).

⁷⁵ Werner JAEGER, *Paideia. Die Formung des griechischen Menschen* (Berlin, New York: de Gruyter, 1973), S. 607 (II/91). По неизвестной нам причине это определение философии отсутствует в английской версии цитируемого нами произведения (р. 43), поэтому мы приводим его из немецкого оригинала.

⁷⁶ ЙЕГЕР, с. 65.

⁷⁷ Хотя это не место для подробного рассмотрения этого вопроса, необходимо отметить, что, по сути, все “философские” и “теологические” дискуссии, которые велись на Западе с момента появления христианства, касаются существования Бога. Эта единственная и утомительная тема западной “философии” и “теологии” уже должна привлечь внимание к тому, что здесь речь идет о чем-то ненормальном: хотя и в Греции, и в Риме были люди, которые не верили в Богов, дискуссия об их существовании не имела смысла. Все знали, что Боги существуют, и достаточно вспомнить знаменитые слова Гераклита (фраг. А9), чтобы убедиться в этой истине. Поэтому термин ‘вера’

Не нужно следовательно никакого “доступа”, ни какого “филологического анализа”, чтобы понять не только то, что, как говорил великий Карен Степанян, «каждый роман представляет кредо Достоевского полно и (для понимающего читателя) ясно»,⁷⁸ но и то, что это кредо состоит в откровенном проповедовании Евангелия – с момента выхода из катогри и познания не только Библии, но и русского народа задача Достоевского заключалась ни в чем ином, как в проповеди христианства. Так категорично высказывается например Рейнхард Лаут, который попытался систематизировать мысли Достоевского, как если бы тот был философом:

В христианстве Достоевского и его безусловном отношении к Христу нельзя сомневаться. Следует серьезно задаться вопросом: служил ли Достоевский во всех своих произведениях злу, или же каждое из его сочинений, имеющих определенное значение, является свидетельством его глубокого религиозного опыта, основанного на стремлении привести читателя на путь света Христова.⁷⁹

К этому следует добавить то, что указывает одна исследовательница: «Достоевский не только использует библейский текст для создания и проявления значений собственного художественного текста – он также и одновременно использует свой текст для экзегезы текста библейского».⁸⁰

И это должно называться “философией” или “теологией”? Это скорее задача мудрецов Ветхого Завета или учеников Иисуса, а не философов или теологов: «В философии не должно быть места сказочным вымыслам», как Цицерон предупреждал.⁸¹

был абсурдным для греко-римлян: они не верили, а знали, что Боги существуют. Только введение концепции, чуждой европейскому человеку, является причиной стольких недоразумений, дискуссий и абсурдных проблем, которые заставили великие умытратить время и силы, которые они могли бы посвятить гораздо более полезным для всего человечества делам.

78 Эмиль Димитров, “Достоевский: роман и Евангелие. Беседа болгарского русиста Эмила Димитрова с вице-президентом Российского общества Достоевского Кареном Степаняном”, *Литературен вестник*, 16.8 (1-7.03.2006 г.), с. 9, 12-13; 12.

79 Reinhard LAUTH, “Der methodische Zugang zu Dostojewskijs philosophischer Weltanschauung”, *Orientalia Christiana Periodica*, XVIII, 1952, S. 5-37: 36-37.

80 Татьяна А. Касаткина, *Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания* (Москва: Водолей, 2019), с. 103.

81 ЦИЦЕРОН, *De divinatione*, II, 38. Текст приводится по изд.: Марк Туллий Цицерон, *Философские трактаты*, отв. ред., сост. и автор вступит. ст. Г. Г. Майоров. Пер. с латинского и comment. М. И. Рижского (Москва: Наука, 1985).

Из этих размышлений выводится следующий принцип, который должен быть установлен в исследовании Достоевского: Достоевского нельзя назвать философом или теологом/богословом. Джон Локк уже предупреждал об опасности употребления слов без ясного представления и об их непоследовательности.⁸² Недостаток философского и теологического образования проявляется в той необычайной щедрости, с которой некоторые ученые употребляют такие серьезные понятия, как философия или теология/богословие, у писателя, который был – в этом не может быть никаких сомнений – выдающимся христианским мыслителем. В этом смысле, если следовать аргументации, изложенной до этого момента, «Ни один религиозный человек⁸³ не приходит к философии, он в ней не нуждается; нет людей, которые действительно занимаются философией, которые были бы религиозными: они идут без поводка, опасно, но свободно».⁸⁴

В заключение, если мы хотим быть еще более точными и, прежде всего, справедливыми по отношению к жизненной задаче Достоевского как писателя и журналиста, мы должны признать, что наиболее подходящим определением для него было бы «пророческий мыслитель».⁸⁵

Однако, что такое пророк? Все, что противоположно философу: исторически пророки никогда не занимались интеллектуальными проблема-

82 John LOCKE, *An Essay Concerning Human Understanding*, Book 3, Ch. 10: “Of the Abuse of Words”.

83 Здесь Шопенгауэр имеет в виду христиан.

84 «Keiner, der religiös ist, gelangt zur Philosophie, er braucht sie nicht; keiner, der wirklich philosophiert, ist religiös: er geht ohne Gängelband, gefährlich, aber frei» – Arthur SCHOPENHAUER, *Der handschriftliche Nachlass. Band 2: Kritische Auseinandersetzungen (1809-1818)*, hrsg. v. Arthur Hübscher (Frankfurt a. M.: Kramer, 1967), S. 226.

85 Под этим названием его изучает Walter NIGG, *Prophetische Denker. Löschet den Geist nicht aus* (Rottweil: Verlag Das Wort, 1986). В этом контексте стоит процитировать свидетельство Рейнхарда Ляута, который утверждает, что «Достоевский, конечно, никогда не сожалел об отсутствии пророчеств в православии, но он сделал нечто гораздо более важное: своими словами он стал больше, чем писатель и поэт, а именно пророком, подобно Исаие или Софоклу в древности»: см. его доклад «¿Qué nos dice Dostoievski hoy?» [Что Достоевский говорит нам сегодня?], in Reinhard LAUTH, *Dostoievski, su siglo y el nuestro*, trad. de Alberto Ciria (Barcelona: Prohoms Edicions i Serveis Culturals, 2005), p. 261. Кроме того, стоит вспомнить, как Достоевский в последние годы своей жизни был провозглашен «пророком» (особенно после его “Речи о Пушкине”), о чем говорится в последнем томе обширной биографии русского писателя, написанной Дж. Фрэнком: Joseph FRANK, *The Mantle of the Prophet 1871-1881* (Princeton and Oxford: Princeton UP, 2002).

ми,⁸⁶ а посвящали себя распространению слова Иеговы (Ветхий Завет) или Иисуса (Новый Завет),⁸⁷ поскольку «их трогает не полнота жизни, а то, что поддерживает все существование и без чего невозможно обойтись»,⁸⁸ то есть вера в Бога.

Эти пророки также являются политиками,⁸⁹ анализирующие текущую ситуацию и предупреждающие своих современников о том, что может произойти, *если* (и это ключевое слово) они не примут необходимых мер перед лицом угрожающей им опасности.⁹⁰ «чтобы искоренять, поражать и погублять, равно как строить и насаждать» (Сир 49:9). В чем заключаются эти меры – это задача, которой мы, исследователи, посвящаем себя, ибо «то, что говорят пророки, остается актуальным и сегодня, как будто было написано слово в слово для настоящего времени».⁹¹

86 В самом деле, «пророческий дух не верит, что обладает, подобно платоновскому духу, общей и концептуальной вечной истиной» – Martin BUBER, “Die Forderung des Geistes und die geschichtliche Wirklichkeit” [Инаугурационная лекция в Иерусалимском ун-те в 1938 г.], in Martin BUBER, *Hinweise. Gesammelte Essays* (Zürich: Manesse Verlag, 1953), S. 121-141: 139). По этой причине то, что проповедует пророк, никогда не может рассматриваться ни как доктрина [философия], ни как теология, см. NIGG, S. 13.

87 Евр 19:10.

88 NIGG, S. 11.

89 Важность политики в творчестве Достоевского является неоспоримым фактом в научных исследованиях. См., напр., Jordi MORILLAS, “El valor de la política en la vida y en la obra de F. M. Dostoevski”, *La Torre del Virrey*, 3, 2009, pp. 1-14.

90 См. Martin BUBER, *Der Glaube der Propheten* (Zürich: Manesse Verlag, 1950), S. 12-14, а также NIGG, S. 25.

91 NIGG, S. 74. Более подробное изложение темы, представленной в данной статье, заинтересованный читатель может найти в Jordi MORILLAS, “¿Dostoevski filósofo? Reflexiones acerca de un malentendido”, *Estudios Dostoevski*, 11, enero-diciembre 2025, pp. 4-24 (<http://agonfilosofia.es/EstudiosDostoevski/ed11pdf/morillas004024.pdf>).